

✿ Его присутствие делает невозможным царство беспредела

● Генрих IV,
«Генрих IV»

Среди многих талантливых актеров Валентин Гафт занимает свое особое место. Я знаю его давно, с тех пор, как он учился в Школе-студии имени Вл.И. Немировича-Данченко при Художественном театре. И тогда уже он выделялся не одним своим ростом и статной мужественной фигурой, но и каким-то необузданным, взрывным темпераментом, мирно сосуществовавшим с легкой, почти детской ранимостью.

● Глумов,
«Балалайкины и К°»

Я редко встречал человека более неуравновешенного, вечно сомневающегося в том, что он делает. И это не маска, не игра, а сущность личности, которая носит такую грозную фамилию и славится не только своими актерскими созданиями, но и точными, убийственными эпиграммами на многих известных актеров, режиссеров, драматургов.

При этом Гафт не перестает оправдываться. Оказываясь, он давно уже не занимается этим делом. Просто какие-то злые, нехорошие люди сочиняют свои четверостишия и сваливают все на него. А он ни в чем не виноват...

Если говорить честно, Гафт — действительно добрейшее существо. Он всегда найдет повод, чтобы поддержать другого словом и делом, хотя никогда не был ни депутатом, ни делегатом, разве что исправно платил и платит до сих пор членские профсоюзные взносы.

Гафт молниеносно и болезненно реагирует на любое проявление хамства и несправедливости. И здесь он не умеет ничего просчитывать, а действует немедленно, как подсказывает ему совесть. Иногда реакция его бывает далеко не адекватной самим событиям. И спустя какое-то время он начинает все осознавать, но ни за что не сознается в этом даже себе самому...

Валя был замечательным сыном. Никогда не забуду, как много лет назад встретил его поздним вечером возле Дома актера: в больнице умирал от рака его отец, и Валя носился по городу в поисках ложки черной икры, будто от нее и в самом деле зависела жизнь самого близкого человека. А позже он точно так же продолжал заботиться и о маме, которая ушла из жизни сравнительно недавно...

Галина Волчек как-то верно заметила: в «Современнике» Валю одни любят безоговорочно, другие — с оговорками. Но и те и другие, безусловно, его уважают, а главное — гордятся им. Это очень точное наблюдение. В каждом театре необходимо иметь хотя бы одного такого человека. Его присутствие делает невозможным царство беспредела, от которого страдает наше общество в целом.

Подобных людей обычно называют совестью коллектива. Это звание нельзя получить, его можно лишь заслужить ценой всей жизни. Такова, на мой взгляд, была роль Ростислава Яновича Плятта в Театре имени Моссовета. Как и Гафт, он был человеком беспартийным, никаких должностей и постов не занимал, но снискал всеобщее доверие и любовь.

За тридцать пять лет, прошедших с того времени, когда Гафт окончил Школу-студию при МХАТ, он сменил несколько коллективов: Театр на Малой Бронной, имени Моссовета, «Ленком», Сатиры и вот с 1969 года почти четверть века трудится в «Современ-

нике», куда пришел по приглашению одного из своих педагогов — Олега Ефремова незадолго до того момента, когда тот сам перебрался отсюда во МХАТ...

Валентин Иосифович, в сущности, счастливый человек. С первой же попытки без всякой протекции выдержал огромный конкурс во мхатовскую школу. Учился у самого Василия Осиповича Топоркова. Из театра в театр переходил тихо, без скандалов, действенно по собственному желанию, сохраняя при этом хорошие отношения с товарищами и руководством, вспоминая всех только по-доброму — от Завадского, Орловой, Плятта, Раневской, Мординова, Гончарова, Плучека, Эфроса, Товстоногова до Волчек, Толмачевой и Кваши, с которыми работает и по сей день.

И в кино Гафт остается верен себе. Потому с уважением говорит о Михаиле Ромме — он встретился с ним, будучи еще студентом, на съемках фильма «Убийство на улице Данте». И о Борисе Барнете, и о Леониде Лукове, и об Эльдаре Рязанове.

Слушаешь его или читаешь опубликованные его интервью и диву даешься: такой добрый человек! Откуда же берутся эти злые эпиграммы?!

Я видел все театральные работы Гафта, знаю некоторые его фильмы и телестановки. И не перестаю удивляться тому, как он умеет, оставаясь самим собой, до того перевоплощаться в образ, что порою кажется: все, это вершина, в следующий раз актер обязательно вынужден будет

● Георгий Товстоногов,
Валентин Гафт, Игорь
Кваша на репетиции спектакля
«Балалайкины и К°»
(1973 г.)

Последние двадцать пять лет, когда все актеры только то и делают, что, как Колобок, куда-то перемещаются, Гафт словно прирос к одному месту и, судя по всему, нигде «перекатываться» не собирается, демонстрируя завидное постоянство не иначе, как из духа противоречия, свойственного ему во всем. Вот такой он оригинал!

Борис ПОЮРОВСКИЙ

Валентин Гафт, какой он есть

● Городничий, «Ревизор»

● Людовик,
«Мольер»

● Рахлин,
«Кот домашний
средней пушистости»

играл шекспировского Отелло, гоголевского Городничего, гончаровского Адуева-старшего, чеховских Вершинина и Фирса, симоновского Лопатина, графа Альмавива Бомарше, Генриха IV Пиранделло, Джорджа Олби, Глумова Салтыкова-Щедрина...

Называю наиболее удачные работы актера и завершаю этот перечень одной из последних ролей писателя Рахлина в спектакле «Кот домашний средней пушистости» — трагикомедии из жизни художественной элиты эпохи застоя, когда Союз писателей был превращен в Министерство литературы, призванное разделять и властвовать, определяя тиражи изданий, распределяя все — от квартир, машин, дач, госпремий и орденов до мест на кладбище и меховых головных уборов.

Последнее, собственно, и стало сюжетом для пьесы, герои которой и был досрочно сведен в могилу этой самой системой распределения благ, когда вдруг вознамерился вступить с ней в поединок. Привыкший «годить» — от «угождать» — начальству Рахлин безбедно прожил жизнь, не отличаясь особым талантом. Он относительно регулярно издавался и был широко известен в узких кругах, где даже завоевал какое-то положение. Правда, не такое, как те, кто имел право на норковую или пыжиковую шапку: ведь Рахлин не входил в состав Секретариата правления, в эту райскую группу, допущенную до куц, где каждый мог получить столько благ, сколько в состоянии был унести. А если собственных сил не хватало, на помощь призывались домочадцы — от жен, детей, внуков и тещ до экономок и личных водителей...

Гафт играет Рахлина так, будто всю жизнь знал этого человека, видел его в разных ситуациях, наблюдал, как тот ловил, приспособливался, юлил и дома, и в Союзе писателей. Но при этом старался убедить себя самого, не говоря уже об окружающих, что он — человек независимый, свободный от суеты сует и всяческой конъюнктуры. Именно это-то и погубило героя Гафта, когда он из-за пустяка попытался пойти против течения: все рухнуло в ту же минуту...

Многие, кто писали о Гафте, рассказывали, будто он никогда не бывает доволен собственными работами, что не мешает ему иногда сказать: «Слушай, старик, приходи завтра в театр. Я, кажется, начал что-то понимать в этой профессии».

Мне тоже доводилось слышать нечто подобное от него. Но если затем я говорил, что он был прав, Валя искренне сердился и упрекал меня в комплиментарности, в отсутствии принципиальности, на худой конец, в недостаточной компетентности.

И я не обижался, ибо и это он делал искренне, от души. К тому же я всегда помнил, что Гафт — один из немногих актеров такого положения, кто никогда не пробовал «баловаться» за режиссерским столиком, что само по себе, согласитесь, вызывает не только удивление, но и уважение.

Фото
В. Баженова,
А. Иванишина